

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕРМИНА «СЛАВЯНЕ» В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Александр Литвинский

Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь

litvinski@inbox.ru

В данной статье рассматриваются различные варианты интерпретации термина «славяне» в научных трудах по проблеме происхождения славян, созданных в конце XX — начале XXI века лингвистами, историками, археологами. Характеризуется позиция исследователей по анализируемой проблеме. Показывается методологическое значение данной интерпретации для понимания сущности славянского этногенеза.

Ключевые слова: славяне, праславянский язык, методология, этногенез, этнос, этноним, интерпретация

INTERPRETATION OF THE TERM «SLAVES» IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF THEIR ORIGIN (END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY)

Aliaksandr Litvinski

Baranovichi State University, Baranovichi, Belarus

This article discusses various interpretations of the term "Slavs" in scientific works on the problem of the origin of the Slavs, created in the late XX - early XXI century by linguists, historians, archaeologists. The position of researchers on the analyzed problem is characterized. The methodological significance of this interpretation for understanding the essence of the Slavic ethnogenesis is shown.

Keywords: Slavs, Proto-Slavic language, methodology, ethnogenesis, ethnos, ethnonym, interpretation

Исследователь, приступая к изучению некоего феномена, в первую очередь должен для себя уяснить, какой смысл он вкладывает в формулировку предмета своего исследования. Ошибка терминологического характера здесь сродни ошибке в первом действии решения математической задачи – если она допущена, то положительный результат уже никак не будет достигнут. Этот тезис верен и в отношении такой всегда актуальной и ещё далёкой от достаточно удовлетворительного решения научной проблемы, как происхождение славян.

Рассуждая о славянском этногенезе, мы обязательно должны ответить на вопрос: что и кого мы ищем в глубинах исторического прошлого? На первый взгляд, ответ на него очевиден: нас интересуют истоки этноса, давшего начало народам славянской языковой группы индоевропейской языковой семьи. Однако не будем спешить с ответом, поскольку даже поверхностное изучение рассматриваемой проблематики приводит нас к выводу: строго говоря, нет неопровержимых доказательств существования данного этноса до VI в. Более того, не доказано, что склавины, упоминаемые в исторических источниках ранневизантийского времени, в трудах Иордана, Прокопия Кесарийского и других авторов [1, с. 98—399], – это и были искомые славяне в близком к традиционному пониманию, и только они являлись предковым этносом. Ведь и Иордан, и Прокопий Кесарийский, сообщая читателям о склавинах, каждый по-своему, но подчеркивают их родство с антами. Иордан указывает на принадлежность и тех, и других к венетам [1, с. 106—109], а Прокопий – на общее происхождение склавинов и антов от неких «споров», о которых совсем ничего не известно, да и вообще, на чрезвычайную схожесть, вплоть до идентичности, «совершенно варварского» языка и обычаев этих двух народов [1, с. 182—185]. Это даёт некоторые, но не бесспорные основания считать и антов первыми известными истории славянами.

В связи с этим представляет интерес мысль известного российского археолога-слависта, исследователя Пражской археологической культуры И. О. Гавритухина, высказанная им в одном из интервью: «Был конкретный народ, который так и назывался «славяне». Он так назывался в письменных источниках, греко- и латиноязычных (в соответствии с их произношением – «склавень», «стлавины» и тому подобное), и, что очень важно, – из этих же письменных источников следует, что представители этого народа сами себя называли славянами» [2]. И далее по тексту: «Так что «происхождение славян» (и вопрос о достоверных известиях) – две разные проблемы, потому что одно дело – происхождение конкретного народа, имеющего такое название, другое – происхождение достаточно обширной общности, связанной

близостью языка и других сторон культуры» [2]. Население ареала Пражской археологической культуры И. О. Гавритухин здесь склонен отождествлять только со славянами в узком значении этого термина, не ставя знак равенства между ним и славянами вообще. В качестве аналогии археолог приводит параллели с финнами как отдельным народом и финнами как носителями соответствующих языков, а также похожий пример с тюрками [2].

Разумеется, когда ученые ведут речь о славянском этногенезе, они, за очень редким исключением, имеют в виду происхождение славян в целом, а не только склавинов. При этом они сталкиваются с трудностями методологического характера. Возьмём, например, лингвистов-компаративистов. Хронологически первый достоверно существовавший славянский язык, им известный – это старославянский язык. Самые ранние созданные на нём и дошедшие до нас письменные источники относятся к X в. В этом языке наличествуют архаические черты, восходящие, по-видимому, к общеславянскому периоду, однако старославянский язык лингвисты уверенно относят к южнославянским с присущей данной подгруппе спецификой, прежде всего, фонетической, а это означает, что его нельзя считать предковым для всех славян, ибо из него фактически невозможно вывести непротиворечивым образом более поздние восточнославянские и западнославянские языки.

Однако более ранних памятников славянской письменности нет, и не предвидятся их находки. Выход из положения лингвисты ищут в реконструкции предкового языка согласно законам и правилам компаративистики. О трудностях, подстерегающих ученых на этом пути, интересующийся читатель может узнать из труда известного американского слависта Х. Бирнбаума [3]. В рамках же рассматриваемой нами темы следует заметить, что сам термин «праславянский язык» как будто указывает на некоторую неопределённость. Если такой язык существовал, то из этого вовсе не обязательно следует, что его носители считали себя славянами, иначе в названии языка можно было бы обойтись без префикса *пра-*. В компаративистике, кстати говоря, иногда употребляется и столь же неопределённый термин «протославянский язык» как обозначение некоего диалекта индоевропейского, причем предполагается весьма раннее, еще в бронзовом веке, выделение этого диалекта среди других, а также эволюция к праславянскому состоянию, весьма растянутая во времени [4].

Впрочем, тот же Х. Бирнбаум употребляет и словосочетание «славянский язык», когда повествует о его разновременных контактах с тохарским и алтайским, точнее говоря, с каким-то из алтайских (гуннским или аварским) [5]. Следует отметить, что связи языка, из которого произошел славянский, с тохарским (тохарскими), относятся, опять же, к бронзовому веку (более точная хронологическая привязка представляется невозможной), а вот связи с алтайскими языками грозных восточных завоевателей датируются периодом Великого переселения народов, поэтому употребление в первом случае термина «славянский язык» сомнительно, а во втором – пожалуй, правомерно.

Как бы то ни было, самые древние славяне в понимании компаративистов – это славофоны, носители соответствующего языка на различных стадиях его развития, пусть себе эти стадии языковеды определяют и интерпретируют по-разному. Но иногда создается впечатление, что лингвисты имеют склонность рассматривать историю языка в каком-то отрыве от истории его носителей (речь здесь идет о дописьменном периоде развития языка). Предпринимаемым попыткам увязать глоттогенез с историческими и географическими реалиями не хватает конкретности и убедительности. Обычно лингвисты даже не берутся рассуждать о существовании этноса под названием «славяне», предпочитая говорить именно о носителях праязыка и его диалектов, хотя понять их можно – ведь в их задачу не входит анализ исторических событий.

Определённым исключением из преобладающей тенденции является творчество выдающегося советского и российского компаративиста О. Н. Трубачёва. Он достаточно смело утверждал о древности и относительной стабильности общеславянского этноса, истоки которого он видел на Среднем Дунае – там, где их видел автор известного текста «Повести временных лет» [6, с. 11]. В интересующем нас контексте важна мысль ученого о том, что «возобладавшая в последнее время (хотя на самом деле очень старая) этимология этнонима *славяне* как «ясно говорящие» (то есть «свои», «наши», в конечном счете) очень правдоподобно характеризует этот этноним в духе развиваемых здесь [в цитируемом труде О. Н. Трубачёва – А. Л.] идей – и как относительно новый, и как выросший на базе доэтнонимической психологии» [7, с. 9].

Необходимо, пожалуй, пояснить эту мысль исследователя. О. Н. Трубачёв считал, что долгое время славяне, будучи реальным этническим сообществом, никак себя не называли, ибо не нуждались в этнониме, и без него различая «своих» и «чужих». Однако, хотя этноним «славяне» стал их самоназванием далеко не сразу, он, тем не менее, отразил их глубинные, древние представления о самих себе. Этим фактором ученый стремился объяснить противоречие между постулируемым им пребыванием славян в Подунавье еще с бронзового века и их неизвестностью для античных авторов.

Подобная позиция лингвиста, высказываемая им и значительно раньше (во всяком случае, не позже 1980-х гг.), подверглась достаточно аргументированной критике. В частности, российский славист и византист С. А. Иванов, исследовавший, кроме всего прочего, и феномен этнического самосознания, полемизируя с О. Н. Трубачёвым, резонно заметил, что «самосознание не возникает в отсутствие контакта с

другим обществом», а это, в свою очередь, означает, что «и про гипотетических самозамкнутых носителях праславянской речи можно сказать, что если они не испытывали склонности к самоидентификации, то и не были славянами в строгом смысле слова» [8, с. 8].

От себя добавим, что если славофоны не были известны античным авторам под названием «славяне», то можно было бы ожидать, что последние знали их под каким-то другим именем – ведь от центров греко-римской цивилизации до Среднего Подунавья не так уж далеко. Однако такого в исторических источниках не наблюдается. Описание народов рассматриваемого региона в этих источниках не даёт оснований видеть среди данных народов славян, пусть себе и скрывающихся под неким псевдонимом. Да и вообще ситуация, при которой носители славянского или, если угодно, праславянского языка, находясь в достаточно оживлённом и благодатном регионе Европы, контактируя с соседями, долгое время не испытывали нужды в самоназвании, кажется довольно-таки маловероятной с точки зрения логики исторического процесса.

Можно, конечно же, предположить, следуя за Иорданом, что раньше славяне назывались венедами или венетами [1, с. 106—109]. Но, во-первых, это, скорее всего, экзоэтноним, которым славяне *сами себя* не называли (разве только вятичи, что довольно сомнительно). Во-вторых, (и здесь можно согласиться с О. Н. Трубочёвым [7, с. 9—10]), это периферийный по отношению к Среднему Подунавью этноним. Он в различной огласовке встречается в самых разных регионах Европы римского времени, но не в исторической Паннонии, примерно соответствующей Среднему Подунавью.

Следует также заметить, что знакомство с содержащими информацию о славянах самыми ранними историческими источниками склоняет к высказываемому с большой долей уверенности предположению о том, что славяне воспринимались создателями этих источников как народ новый, доселе им неизвестный. Особенно это чувствуется у Прокопия Кесарийского – вряд ли он бы сообщал о происхождении, внешнем виде и языке славян, если данная информация была бы уже известна образованным византийцам [1, с. 182—185]. Характерно, что, делая ремарку о языке склавинов и антов и называя его «варварским», Прокопий не предпринимает ни малейшей попытки хоть как-то его не то чтобы классифицировать – даже сравнить с каким-нибудь известным языком. А это наводит на мысль о том, что славянская речь не была известна ни ему, ни его предшественникам, поскольку славяне появились на берегах Дуная недавно (разумеется, в хронологическом измерении этого высокопоставленного византийца). Кстати, данный аргумент может косвенно свидетельствовать о том, что склавины и, видимо, анты, действительно были славофонами, во всяком случае, по состоянию на VI в.

Одним из аспектов рассматриваемой нами проблемы является соотношение между терминами «славяне» и склавины. По-прежнему преобладает мнение, согласно которому термин «склавины» (в разных фонетических и, соответственно, графических вариациях) является отражением в письменных греко- и латиноязычных источников самоназвания славян. Так, составители уже цитированного здесь «Свода древнейших письменных известий о славянах» передают в переводе лексемы «Sclaveni» (у Иордана) и «Σκλάβηνοι» (у Прокопия Кесарийского) как «славяне» [1, с. 106—107, 182—183]. Традиционно считается при этом, что звук [k] в этих словах вставной, как и вставные соответствующие буквы, ибо в греческом и латинском языках сочетание *-sl-* являлось недопустимым. При этом предполагается, что сами славяне произносили свой эндоэтноним как раз с этим сочетанием звуков – так же, как произносим его мы.

Однако известный российский археолог и историк М. Б. Шукин в своей концептуальной работе поостерегся ставить знак равенства между понятиями «склавины» и «славяне», правда, не объяснив свою позицию [9, с. 122]. Возможно, в данном случае имеется ввиду то, что в письменных источниках нет прямых указаний на то, что славяне всегда и везде сами себя называли именно так и только так. Этим воспользовался американский исследователь Ф. Курта для того, чтобы вообще отрицать существование у склавинов общеславянской этнической идентичности и единого эндоэтнонима. Мы уже приводили в своих работах [10; 11] наиболее характерные цитаты из труда американского ученого, но повторим и здесь это цитирование ради удобства читателей, причем приведём выдержки и из оригинального англоязычного текста, и в переводе для того, чтобы по возможности избежать неточностей и двусмысленности.

Итак, Ф. Курта утверждает: «The name “Sclavene” was a purely Byzantine construct, designed to make sense of a complicated configuration of ethnies on the other side of the northern frontier of Empire» («Имя «склавины» было чисто византийским конструктом, призванным осмыслить сложную конфигурацию народов по ту сторону северного рубежа империи») [12, р. 118—119]. В этой связи возникает ряд вопросов, которые уже задавались исследователями [13; 14]. Главный из них: а зачем это византийцам понадобилось? Да, иногда ранневизантийские авторы допускали некоторую небрежность в именовании народов, распространяя предыдущие этнонимы на вновь прибывших к границам империи, но здесь ведь в интерпретации Ф. Курты ситуация обратная – они почему-то решили назвать новым, им до этого совершенно неизвестным этнонимом конгломерат народов на север и северо-восток от Дуная.

По-видимому, Ф. Курта ощущал недостаточную убедительность своего тезиса и тут же в тексте «подправил» его указанием на то, что самоназвание всё же существовало: «It might be that “Sclavene” was

initially the self-designation of a particular ethnic group» («Быть может, изначально имя «склавины» было самоназванием отдельной этнической группы») [12, p. 119]. Такая противоречивость вызывает чувство некоторого недоумения, поскольку читатель должен поверить в существование склавинов только лишь как части «сложной конфигурации народов» и, опять же, в распространение этого имени на всю конфигурацию, произошедшее согласно непонятному произволу византийцев (непонятному, ибо не объяснённом в письменных источниках и даже не подтверждаемому этими источниками), которым это имя по скрытой для нас причине понравилось больше других.

Если у Ф. Курты прослеживается тенденция к фактическому отрицанию существования единого славянского праязуса с собственной идентичностью и собственным самоназванием, то ряд исследователей пошел по прямо противоположному пути. Они сделали попытку найти истоки этнонима «славяне» в римской эпохе. Речь в данном случае идёт о приводимом Клавдием Птолемеем этнониме «ставаны» [1, с. 50—51, 59]. Так, российский ученый Д. А. Мачинский достаточно уверенно связывал со ставанами археологическую Культуру поздней штрихованной керамики, в которой видел корни славянства. В его интерпретации название «ставаны» имеет непосредственную связь с этнонимом «славяне» [15, с. 472—477].

Несколько по-иному расставляет акценты российский исследователь П. В. Шувалов [16]. Он, объясняя расхождения между терминами «ставаны» и «славяне», высказывает предположение, согласно которому первый из них – плод описки, в результате которой были перепутаны действительно похожие по начертанию буквы *l* и *t*. Так и появился термин «ставаны», приведший в смущение многих ученых одновременно своим сходством с термином «славяне» и отличием от него.

Наконец, молдавский исследователь А. Романчук выдвигает оригинальную версию, согласно которой существовал термин «стлавене» как исходный [17, с. 49]. По его мнению, этот термин имеет этимологическую связь с лексемами «стелить», «расстилать», «тло» [17, с. 55]. Надо так понимать, что термин «славяне» первоначально означал не «говорящие понятно (владеющие словом)», а «распространённые».

Подводя итоги, следует отметить, что интерпретация происхождения, значения, степени распространённости термина «славяне» в исследованиях конца XX – начала XXI в. вовсе не сводится к решению некоего частного вопроса в рамках научного рассмотрения проблемы славянского этногенеза. Данная интерпретация имеет немалое методологическое значение. От того, как ученые понимают этот термин, зависит и построение ими гипотез, и предпочитаемые способы верификации этих гипотез.

Однако существует и обратная зависимость, когда методологические установки и результаты эмпирических исследований оказывают значительное влияние на понимание значения термина «славяне». И в данном контексте вопрос не сводится только к этимологии этой лексемы. Речь также идёт о её конкретно-историческом наполнении и трансформации, как фонетической, так и семантической, являвшейся результатом действия самых различных факторов.

1. Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I—VI вв.). Изд., 2-е, испр. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. — 472 с.: карты.
2. *Гавритухин, И. О.* Происхождение славян — две разные проблемы [Электронный ресурс] : — Режим доступа: <http://www.rus-obg.ru/idea/1148>. — Дата доступа: 09.02.2022.
3. *Бирнбаум, Х.* Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции / Х. Бирнбаум — М.: Изд-во «Прогресс», 1987. — 512 с.
4. *Трубачёв, О. Н.* Этногенез славян и индоевропейская проблема / О. Н. Трубачёв // *Этимология*. 1988—1990. — М., 1992. — С. 12—28.
5. *Бирнбаум, Х.* Славянский, тохарский, алтайский: генетическая связь и ареально-типологическое влияние (Вяч. Вс. Иванов, С. А. Бурлак, И. Б. Иткин. Примечания к статье) / Х. Бирнбаум // *Вопросы языкознания*. — М.: «Наука», 2003. — № 5. — С. 6—29.
6. *Повесть временных лет* / Пер. с древнерусского Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. — СПб.: Вита Нова, 2012. — 512 с.: 186 ил.
7. *Трубачёв, О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / О. Н. Трубачёв. — М., «Наука», 2003. — 489 с.
8. *Иванов, С. А.* Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей) / С. А. Иванов // *Советское славяноведение* — 1991. — № 5 — С. 3—13.
9. *Щукин, М.* Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска. / М. Щукин // *Стратум*. Структуры и катастрофы. — 1997. — С. 110—147.
10. *Литвинский, А. В.* Примордиализм и конструктивизм в исследовании этногенеза славян (конец XX — начало XXI века) / Государства Центральной и Восточной Европе в исторической перспективе: сб. научн. ст. по мат. II Междунар. научн. конф., Пинск 24—25 ноября 2017 г. : в 2 ч. / Полес. гос. ун-т ; под ред. Р. Б. Гага. — Пинск : ПолесГУ, 2017. — Вып. 2. — Ч. 1 — 227 с. — С. 185—192.
11. *Литвинский, А. В.* Методологические аспекты локализации прародины славян в историографии конца XX — начала XXI века // *Вестник БарГУ*. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». Выпуск 6, декабрь, 2018. — С. 28—36.

12. *Curta, F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500—700. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series) / F. Curta. — Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2001. — 466 p.
13. *Иванов, С. А.* «В тени Юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности / С. А. Иванов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования — Санкт-Петербург, 2008. — № 2 (4). — С. 5—12.
14. *Шувалов, П. В.* Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) / П. В. Шувалов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования — Санкт-Петербург, 2008. — № 2 (4). — С. 13—20.
15. *Мачинский, Д. А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. / Д. А. Мачинский // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ.* — Вып. XLIX. — СПб. — 2009. — С. 460—538.
16. *Шувалов, П. В.* Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея / П. В. Шувалов // *Stratum plus*, 2013. — № 4. — С. 75—89.
17. *Романчук, А.* *Стлавене как исходная формула этнонима «славяне»: контуры гипотезы // *Філологічний часопис.* Вип. 1 (7), 2016. — С. 48—59.